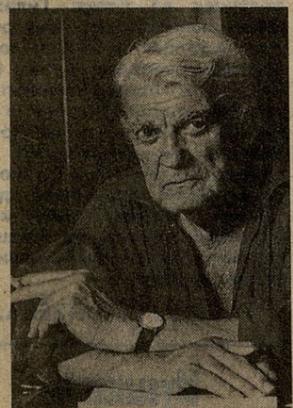

Культура. — 1994. — № 10. — С. 10

МАРЕ — КОКТО:

«Я скажу печальную весть. Я мертв.

Живые и мертвые существуют и рядом, и далеко друг от друга — как две стороны одной монетки, как четыре поверхности игральной кости.

Жизнь и смерть встречаются лицом к лицу». С этого монолога начинался спектакль, поставленный Жаном Маре в 1983 году в парижском театре «Ателье». Слова произносит голос великого французского поэта, драматурга, актера и режиссера Жана Кокто — его памяти и посвящалась постановка «Кокто — Маре», осуществленная к 20-летию со дня смерти Кокто его верным другом.

Это была прекрасная, плодотворная и длительная дружба, давшая французскому театру и кинематографу такие шедевры, как «Вечное возвращение» и «Орфей». Увы, только этот

В 1933 году друзья как-то раз предложили мне пропустить стаканчик у Виктора Гаспара, рабочего заводов «Рено», в его маленькой квартирке в Исси-ле-Мулино.

Едва войдя, я обратил внимание, что на стенах комнаты — множество рисунков, изобретавших юношу, весьма странным образом напоминавшего мне меня самого. Кто мог быть автором этих портретов? Я узнал, что его зовут Жаном Кокто. Здесь, очевидно, висели репродукции. Тогда-то я сказал себе: «В тот день, когда я стану наконец богатым, я куплю себе рисунок Жана Кокто».

Я хочу все знать о нем. Прежде всего — известен ли он как рисовальщик? Мне объяс-

няют, что в нем сосредоточились все таланты, начиная с таланта драматурга. Несколькими днями позже я отворил врата книжной лавки и приобретаю «Трудных детей». Сколько глубины! Какое бунтарство! Читай и перечитывай, словно в лихорадке, пьесу этого неизвестного автора, я испытал то, что называется «удар молнии».

В 1934 году, когда я проходил мимо Театра Комедии на Елисейских полях, мое внимание привлекла афиша: «Адская машина». Какое счастье для актера — интерпретировать образы, созданные Жаном Кокто! Во время представления я с трудом сдерживал восхищенные восклицания. Все, о чем говорилось в пьесе, сразу же находило во мне глубоко-

кий и верный отклик, который не переставал эхом отзываться внутри. Ослепленный, очарованный, я ушел после спектакля, твердо решив познакомиться с автором.

Мне был двадцать один год — и подлинное воодушевление, и твердая уверенность в том, что моя судьба — играть на сцене — вскоре исполнится... Во что бы то ни стало я должен был взглянуть на этого человека, который, начиная с тех самых рисунков, не переставая, делал мне знаки и о котором так много я понял после того, как посмотрел «Адскую машину». И я спрашиваю одного, пытаюсь узнать у другого: где найти Жана Кокто?

Судьба вела меня вперед. Сначала я приступил к занятиям в театре Дюллена. Благодаря впечатлению, мной произведенному, я получил право на бесплатное обучение. И сюда-то, в этот театр, за мной пришли посланцы Кокто.

Молодая актерская труппа готовила «Царя Эдипа» к выставке 1937 года. Получив одобрение и будучи туда принят, я играл роль античного хора. Жан Кокто осуществлял постановку. Сказать просто, что он меня взбудоражил, — это значит ничего не сказать. Меня очаровало в нем все. Его благородная тонкость усиливала впечатление и без того природного изящества. И треугольное лицо с пышной копной волос, в беспорядке взметнувшейся над юношеским телом.

фильм, снятый Кокто в 1950 году, был в нашем прокате, и то совсем недолго. Он может дать представление о масштабе поэтической личности Кокто и великолепном драматическом таланте Жана Маре, куда больше известного у нас по ролям костюмно-исторического плана.

Дружба Маре — Кокто — один из мифов французского искусства первой половины нашего века. В прошлом году старый, ставший в свою очередь мэтром, Маре попытался рассказать о том, как на самом деле родилась эта дружба, как проходила совместная работа, каким человеком и художником виделся ему Кокто, — в парижском издательстве «Эдизон дю Роше» вышла книга его воспоминаний о друге — «Непредсказуемый Жан Кокто». Отрывки из этой книги, написанной ярко и эмоционально, мы и предлагаем читателю.

Хотя, в отличие от большинства художников, он не стремился выглядеть каким-то особенно живописным, даже в самой его рассеянности, казалось, заключена некая тайна. Он был повелителем слова и образа. Все, что он говорил и делал, было отмечено единственной в своем роде красотой. Я не осмеливался даже подойти к нему, не то чтобы заговорить. И это он сам подошел ко мне на репетиции, чтобы спросить, не согласуется ли я играть в его следующей пьесе, «Рыцари круглого стола», которая должна была быть поставлена в октябре.

Он сделал мне это предложение таким тоном, каким обращаются к «звездам» самого высокого класса, а ведь я был всего лишь скромный статист. Я был потрясен.

И сегодня, обращаясь к недоверчивым рационалистам и материалистам, которые влюбом совпадении видят всего лишь слепую игру случая, я стараюсь нащупать те параллели совпадений, которые я имею слабость причислять к пересечению путей судьбы. Пусть они сами судят, что к чему...

Жан Кокто, — я уже говорил

об этом, — родился дважды: в 1889-м и в 1913-м, благодаря «Весне священной» и «Потомку».

Жан Маре, и об этом я тоже говорил, родился дважды: в 1913-м и в 1937-м — благодаря встрече с Жаном Кокто.

Вот еще непостижимые «шифры судьбы»: репетировали «Орфея» у Жана Кокто. Едва Марсель Эрран сказал: «В этих перчатках вы войдете в зеркало, точно в воду», как в гостиной квартиры послышался страшный грохот. Высокое зеркало в артистической уборной было разбито, осталась одна рама... Стекло, вдребезги разбитое, устило все пол.

Глимэй Уискотт и Монро Уилер приехали в Париж на премьеру «Орфея». На пути в театр, где-то на бульваре Распай, с ними произошел любопытный случай. От случайного удара стекло их автомобиля разбилось, и белая лошадь вдруг просунула морду внутрь салона.

Играли «Орфея» в Мексике. Во время сцены с вакханками началось землетрясение. Театр рухнул, несколько человек было ранено. Потом театр

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

несчастливым — это единственное, что хоть как-то приближает к чувству счастья, я думаю, что петля затягивается. Такова моя правда. Знаете, что об этом писал Жан Кокто? Он писал: «Правда — роскошь ленивцев».

Восхитительные слова! А сколько в них глубины! Я ленивец. Я никогда этого не скрывал. На меня нагоняет тоску, меня убивает все, что не может меня позабавить.

Играть — это совсем не признак слабости! Я знаю об этом. И все-таки я играю. Даже больше: я играю не переставая. В театре, в кино, так же, как играю, рисуя, что-то набрасывая, вылепливая фигурки, ставя спектакль, подбирая декорации. Я играю до потери дыхания, то актер, то торговец битыми черепками. Я играю с самим собой, против самого себя, все вместе — дитя, юноша, старик, не устающий от своих восхищений, изумлений, новых опытов.

В конце концов, я ведь ленивец, говорю я себе, и поэтому я выбрал правду, ничего кроме правды, чистую правду.

Не ищите в этом ни добродетели, ни нравственности.

Во мне нет никакой нравствен-

ности, тем более той самой общепринятой, результата привычки, рефлекса, чего там еще? Нравственности, следствия которой, можно стать относительно счастливым. Я ненавижу то, что называют «дремучей нравственностью».

Жан любил актеров и актрис. В их жилах, как он говорил, течет чуточка крови Мольера, и на их вдохновенных лицах сохраняется отпечаток толики детства, которое живет в каждом зрителе. Перевоплощаясь в образ, актеры являются и зрителями этого созданного ими образа, и существуют паузы безмолвия, которые стоят дороже любых аплодисментов. Ах, кто и когда раскажет о волшебстве тех вечеров, когда актеры и зрители сливаются в одно большое сердце?

Актеры и актрисы с лихвой возвращали Жану Кокто любовь. Не только потому, что понимали, каким благородством их оделяло участие в его пьесах, но и испытывая благодарность к нему за то, что он обращался с ними так тепло, так любезно, так почтительно. И эта бережная почитательность была порождением той

тайны театра и кино, когда Красота превращается в Добро. Любой актер, который знакомился с Кокто и играл в его пьесах, завоевывал его дружбу, не всегда догадываясь, что объединила их тень Мольера.

Однажды вечером в Монте-Карло он попросил меня представить его Марлен Дитрих. По этому случаю Жан сочинил восхитительный текст: «Марлен Дитрих! Начало важного имени — ласкающая мелодия, а окончание звучит как удар хлыста.

Межа, которые вы носите, кажутся вашим оперением, словно всегда принадлежали вашему телу.

У вас голос и взор Лорелеи; Лорелея была опасна. Вы — нет, ибо тайна вашей красоты — в том, как устроено ваше сердце. Именно сочетание линий вашего сердца по-видел во всех редкостных артистический талант. Франция, считал он, лучилась своими художниками.

Резко выступая против режима Виши и его подпевал, обвинявших несомненно талантливых людей в нашем упадке и «дефектном происхождении» она вывел гордое определение: «Вы близоруки».

«Что такое Франция? Петух на навозной куче. Стоит убрать кучу, и петух умирает. Но иногда глупость доходит до того, что путают кучу навоза с кучей всякой гадости...»

Восхитительно, не правда ли? Как смело, с какой силой сказано... Остановимся на этом.

И еще раз этот человек послужил мне великолепным примером честности и благородства.

В 1940 году, будучи демобилизованным, я был приглашен вместе с Жаном Кокто в одно местечко на Пиренеях, в обновленную семью, состоявшую из доктора Николау, его жены и четырех детей. Мне захотелось нарисовать в разломе каштан, которому, кажется, была уже тысяча лет, — он очень разволновал меня своей шершавой, морщинистой красотой. В этот чудовищный каштан угодила молния, и впечатляющий черный разлом расщепил дерево надвое. Зеленая листва на разломе создавала контраст. Сквозь него откровенно видна Пиренеи. Я рисовал, как мне было привычно, тщательно выписывая каждую деталь, и так кропотливо, что какой-то прохожий, склонившись над моей картиной, спросил меня: «Вы близоруки?»

— Да, близорук. А как вы догадались?

— По вашей картине. Так

ШИФРЫ СУДЬБЫ

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

ШИФРЫ СУДЬБЫ

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

ШИФРЫ СУДЬБЫ

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть

восстановили, снова играли спектакль. Вдруг режиссер объявляет, что спектакль не может продолжаться. Актер, исполнявший роль Орфея, перед тем как пройти сквозь зеркало, упал мертвым за кулисами.

Жан Кокто говорит, что, словно погрузившись в какой-то дурман, полсекунды спал нескончаемым сном.

Счастье — штука весьма и весьма относительная. Я думаю, для того чтобы достичь счастливого состояния, необходима добрая доля эгоизма.

О, люди, мы все эгоисты. В разной степени. Не относится ли это равным образом и к монахам, да даже и к самим святым — ведь они силятся стать счастливыми и достойными небез? Я не кривлю душой и не играю словами — мне действительно кажется, что прежде всего они думают о собственном блаженстве.

Чувство комфорта, гибкая мораль необходимы тому, кто не хочет чувствовать себя несчастным.

Когда я говорю, что не быть